сканированию.

Задание №2					
Шифр работы Л-11-43			Класс 11		
К1 0-25	К2 0-10	К3 0-10	К4 0-10	К5 0-5	Итог
10	10	10	10	5	45 б.
Необходимые комментарии, пояснения, рецензия (если нужно):					

Подпись проверяющего №1 (с расшифровкой)	Подпись проверяющего №2 (с расшифровкой)	Подпись председателя жюри(с расшифровкой)
Пугачев	Степанов	Пугачев

Задание №3					
Шифр работы Л-11-43			Класс 11		
К1 0-4	К2 0-3	К3 0-3	К4 0-2	К5 0-3	Итого
10	10	10	10	10	50/120
Необходимые комментарии, пояснения, рецензия (если нужно):					

Подпись проверяющего №1 (с расшифровкой)	Подпись проверяющего №2 (с расшифровкой)	Подпись председателя жюри(с расшифровкой)
Тупачев		Тупачев

А-11-43

Баллы по заданиям

Задание 1	Задание 2	Задание 3	ИТОГО	ПОДПИСЬ
2	5/5	12	5	

№ 2

Древняя история зарождения литературы позволяет современным авторам ссылаться на более ранние произведения, цитировать своих предшественников и даже строить новые сюжетные линии на основе того, что было создано до них. Примером подобного заимствования для раскрытия более глубоких тем и идей является рассказ Сергея Шаргунова „Дача, Жанна, драка с дураками".

450005
ул. Мингажева, д.120, г. Уфа
ГАУ ДПО
Институт развития образования
Республики Башкортостан

Читатель застаёт главного героя, мальчика одиннадцати лет, за чтением романа всех времён и народов „Война и мир". Для многих чтение – это возвышенно-духовное занятие, требующее абсолютного внимания. (~~и не терпящее~~) На самом деле, чтение – это воспитание

души, настоящее искусство. Однако это не мешает главному герою совмещать трогательно-трепетные сцены романа с поеданием карамели и грецких орехов. Душераздирающая сцена гибели Болконского (слёзы Наташи) сопровождается замечанием о том, что, карамель кончилась! Сцена расстрела пленных и ожидание Пьером смерти воспринимается героем под треск неподатливых орехов. Казалось бы, кощунство. Но именно это сочетание позволило герою почувствовать живых, таких же как и он сам, людей за строками произведения, осознать атмосферу их жизни и времени, вибрацию их душ, созданных гением Толстого. Влияние книги, солнечного дня и вкусных лакомств позволило юношеской чуткой душе уловить ту непередаваемую

450005
ул. Мингажева, д.120, г. Уф.
ГАУ ДПО
Институт развития образова...
Республики Башкортост...

частоту вибраций, именуемой атмосферой произведения и открыть неповторимый и притягательный толстовский мир, способный жить своей особой жизнью в настоящем и влиять на будущее ~~чере~~ посредством людей, читавших и вобравших в себя саму суть произведений писателя.

В дальнейшем развитии сюжета автор использует элементы экфрасиса, перенося мир Толстого на события произведения. Мальчик „ехал по страницам Толстого." Стоит отметить, что сами события произведения не столь масштабны и значительны по сравнению с описаниями изменения внутреннего мироощущения главного героя. Кольцевая схема развития действия,

окаймлённая вступительным описанием места действия, ~~от~~ проспекцией будущего персонажей и рассуждением о будущем, помогает проследить мысли и чувства героя.

Одиннадцатилетнему любителю чтения, каких в наши дни, к сожалению, не так много, открылась новая Вселенная, поглотившая серость будней и разъветившаяся все до боли знакомые вещи, дороги и места новыми оттенками мысли и чувства. Для мальчика это была лишь радость открытия, а взрослым, не зачерствевшим душой, должно быть знакомо это чувство безграничной благодарности автору за приобретение нового состояния души, когда хочется выбежать в сад и бродить с лёгкой, необъяснимо-приятной улыбкой по привычным тропинкам, впитывая новые значения каждой тени дерева и

пения птиц. Жизнь наполняется ожиданием чуда. В такие моменты кажется, что прихотливые линии судьбы могут подстроиться под личное желание человека.

450005
ул. Мингажева, д.120, г. Уфа
ГАУ ДПО
Институт развития образования
Республики Башкортостан

Подтверждение тому - внезапное столкновение героя с желтоволосой девочкой, которая ему нравилась. Их разговор, который мог бы никогда и не состояться - это типичный разговор подростков, полный жаргона и просторечных слов и выражений („го", „собака достала", „ужас"). Но для героя, находящегося в мире писателя, разговор имеет смысл. Не находясь под влиянием книги, герой ~~но~~ вставил бы другие реплики, действовал бы иначе, но воодушевление, данное книгой сыграло свою роль.

Мальчик держится уверенно, смеет кричать в чёрную спину и жёлтый затылок.

Появление в произведении полудурка Сире также художественно-обоснованно. Атмосфера книги кажется с первого взгляда настолько абстрактным понятием, что создаётся ощущение временного ореола невидимой мечты, которая растает при столкновении с реальностью, как исчезает утренний туман с первым лучом ~~света~~ солнца. Драка с Сире должна бы смести дымку очарования с внутреннего взора героя. Однако мир Толстого проникает в самые недра души и подсознания, оставляя тоже благотворные отпечатки на всю жизнь. Поэтому герой интуитивно хватается за эту соломинку спасения, взмолившись великому

писателю и получает помощь. Эпизод с почти фантастическим совпадением мыслей героя и слов отца Жанны предстоит в глазах читателя гиперболизированным, зато выражает мысль автора об укоренении великих произведений в душе человека и их помощь в жизни.

450005
ул. Мингажева, д.120, г. Уфа
ГАУ ДПО
Институт развития образования
Республики Башкортостан

Действие возвращается к дому мальчика, где он, побитый, но не сдавшийся продолжает погружение в мир Толстого, позволяя всё больше обогащать свою душу. И всё-таки после „пожирания" яблок, побеждает жалость и сочувствие Платону Каратаеву. Духовная составляющая взяла верх.

И вот „это кончилось. Кончилось"

основой произведения, указывают на основную мысль и идею автора — указать степень влияния книги за жизнь человека. Отсылки определяют и течение сюжета произведения, проходя красной нитью сквозь весь текст. Шаргунову удалось связать воедино прошлое и настоящее, изобразить влияние прошлого культурного наследия на жизнь людей и их судьбу, ~~и~~ поступки. Нужно научиться мастерству владения богатством прошлого, чтобы обрести настоящее, а также стать талантливым читателем, умеющим воспринять и воссоздать посыл автора и использовать его в дальнейшем.

682 слова

№ 3

50 б.

Очень даже приличное сочинение на заданную тему.

450005
ул. Мингажева, д.120, г. Уфа
ГАУ ДПО
Институт развития образования
Республики Башкортостан

Конец октября.
Издали веяло свежестью.
опорн. сл.
Взору открывается лес.
оксюморон
Нарядно-обнажённые веточки
Протянул он до небес.

парцелляция
опорн. сл.
Запах арбуза разрезанного.
опорн. сл. синекдоха
Опята в трухлявом пне.
опорн. сл. опорн. сл. опорн. сл.
Парит дрожащая, дымчатая
Мечта о скорой зиме.

12б.

Шифр работы Л-11-43

ВсОШ по литературе 2017-2018 г. Региональный этап. 11 класс Лист для ответов (задание №1)

1.1. Заполните таблицу, вписав в неё соответствующие цифры:

Цех поэтов	Гилея	Обэриуты	Серапионовы братья
~~1~~ 4 ~~11~~ 2 9	5 ~~6~~ ~~10~~ 8, 11, 13	7 ~~8~~ ~~5~~ 3, 10 ~~13~~	~~2~~ ~~9~~ 12 1, 6

1.2. Подчеркните цитаты (реминисценции), впишите в соответствующие свободные строки имена авторов и названия произведений (или исходные фрагменты):

Вон ту любить – тяжелый крест, „Двенадцать" Блок

та – ничего, но без извилин, „Горе от ума" Грибоедов (Фамусов)

у этой – все что надо есть, _____

но бюст избыточно обилен. _____

Лишь ты, ах, Делия моя, _____

ласкаешь глаз, и нос, и ухо, _____

брожу ли я в ночи под мухой, поэма „Мёртвые души" Н.В. Гоголь

лежу ли на диване я. роман „Обломов" Гончаров

1.3. Заполните таблицу:

Персонаж	Номера цитат	Произведение	Автор
офицер	1, 3, 10	Солнечный удар	И.А. Бунин
Вощев ~~Григорий Мелехов~~	2, 5, 9, 7	Котлован ~~роман „Тихий Дон"~~	А. Платонов М. Шолохов
Лука ~~Васька Пепел~~	4, 8, 6	пьеса „На дне"	М. Горький
Татарин	~~6~~	пьеса „На дне"	М. Горький

Для проверяющих

Баллы за задание №1

	Максимальный балл	Полученный балл
Задание 1.1	**4**	0
Задание 1.2	**3**	0
Задание 1.3	**3**	2
Итого:	**10**	2

Подписи проверяющих Пугачев

л-11-43

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2017–2018 учебный год

Региональный этап

11 класс

Задание №1 (10 баллов)

1.1. С какими литературными объединениями связана творческая деятельность таких русских писателей, как *1) М. Зощенко, 2) Н. Гумилёв, 3) Д. Хармс, 4) А. Ахматова, 5) В. Хлебников, 6) В. Каверин, 7) Н. Олейников, 8) В. Маяковский, 9) О. Мандельштам, 10) Н. Заболоцкий, 11) Д. Бурлюк, 12) К. Федин, 13) А. Кручёных?* Запишите ответ цифрой в соответствующий столбик таблицы, помещённой на Листе для ответов.

Цех поэтов	Гилея	Обэриуты	Серапионовы братья
11 1 7	3 6 10 7	13 8 4 5 6 9 12	2 9

1.2. Перед вами – фрагмент из стихотворения Тимура Кибирова «С наступающим!» К произведениям каких русских поэтов вы увидели в нём отсылки? Подчеркните соответствующую цитату (словосочетание, фрагмент предложения) в тексте стихотворения, приведённом на Листе для ответов. Укажите там же автора и произведение, к которому даётся отсылка.

Вон ту любить – тяжелый крест,
та – ничего, но без извилин,
у этой – все что надо есть,
но бюст избыточно обилен.

Лишь ты, ах, Делия моя,
ласкаешь глаз, и нос, и ухо,
брожу ли я в ночи под мухой,
лежу ли на диване я.

1.3. Приведённые ниже характеристики относятся к разным литературным персонажам. Сгруппируйте цитаты, относящиеся к каждому герою; укажите имя персонажа, название произведения и его автора. Ответ запишите в таблицу на Листе для ответов:

Персонаж	Номера цитат	Произведение	Автор

1. Он снял китель и взглянул на себя в зеркало: лицо его, — обычное офицерское лицо, серое от загара, с белёсыми, выгоревшими от солнца усами и голубоватой белизной глаз, от загара казавшихся ещё белее, — имело теперь возбуждённое, сумасшедшее выражение, а в белой тонкой рубашке со стоячим крахмальным воротничком было что-то юное и глубоко несчастное.

2. <…> не знал, куда его влечёт, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе.

3. И он почувствовал такую боль и такую ненужность всей своей дальнейшей жизни без неё, что его охватил ужас, отчаяние.

4. Тебе, дед, изволь, — уважу! Ты, брат, молодец! Врёшь ты хорошо... сказки говоришь приятно! Ври, ничего... мало, брат, приятного на свете!

5. <…> спустился по крошкам земли в овраг и лег там животом вниз, чтобы уснуть и расстаться с собою. Но для сна нужен был покой ума, доверчивость его к жизни, прощение прожитого горя, а <…> лежал в сухом напряжении сознательности и не знал — полезен ли он в мире или всё без него благополучно обойдётся?

6. Старик хорош был... закон душе имел! Кто закон душа имеет — хорош! Кто закон терял — пропал!..

7. <…> встал и, ещё не имея полной веры в общую необходимость мира, пошёл есть, стесняясь и тоскуя.

— Что же ты такой скудный? — спросили у него. Так, — ответил <…> . — Я теперь тоже хочу работать над веществом существования.

8. Он – умница!.. Он...подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету.

9. <…> стоял в недоумении над этим утихшим ребёнком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убеждённом впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?

10. Он отодвинул от себя ботвинью, спросил чёрного кофе и стал курить и напряженно думать: что же теперь делать ему, как избавиться от этой внезапной, неожиданной любви? Но избавиться — он это чувствовал слишком живо — было невозможно.

Задание №2 (60 баллов)

Прочитайте рассказ Сергея Шаргунова «Дача, Жанна, драка с дураками» и дайте развёрнутый, точный, подробный, аргументированный примерами из текста ответ на вопрос: «Какова роль отсылок к культурным и литературным реалиям в повествовании и как эти отсылки связаны с логикой развертывания сюжета в рассказе?» Примерный объём ответа – 500-550 слов.

Сергей Шаргунов

Дача, Жанна, драка с дураками

У всякого месяца свои плоды. Плоды августа – арбузы и дыни. Ведь это месяц самой тугой, заключительной беременности, радости родов, горделивого материнства. Но в августе содержатся и тайны несчастий, боль отчаяния. Словно бы солдаты Ирода ищут младенца не под вифлеемской звездой, а под этим самодовольным звездопадом, и завтра детская кровь омоет толстое лезвие… Арбузы и дыни, астраханские, узбекские, подвозили в наш подмосковный посёлок. И звёзды в этот месяц кто-то подвозил неимоверно близко. Арбузы и дыни в небе, сочные, без кожи, когда северное небо вдруг делается африканским.

«Ав, ав, ав», – густо бранились под звёздами псы, сбившись в бродячий отряд. Метались, сталкивались, пыль дороги посверкивала, а в траве трещало. Одна псина, вспыхнув глазами, скакнула в сторону и завизжала. Она испугалась каменного удара яблока за забором. Наш забор. На калитке мерцала стальная табличка со злой собакой. Собаки за забором не существовало. Стоял тёмный дом, и в нём я спал.

Целый день до этого я читал «Войну и мир». Валялся после завтрака на диване и грыз карамель (жестяная банка). Оставление Москвы, поджоги, тяжёлое движение обозов, бледный юнец, который зачем-то начал благословлять Наполеона, сцена расправы над бледным юнцом. Наташа над умирающим Андреем. Карамель кончилась. За открытым окном просторно горел день. С затрёпанным томом я пошел на кухню, набил карманы джинсов грецкими орехами и отправился в сад, в солнце, на деревянную горячую скамейку. Я переворачивал страницу и раскалывал по ореху. Пьер Безухов в захваченной Москве, Наполеон как Антихрист, ожидание французской пули, знакомство с Платоном Каратаевым. Некоторые я с тигриной силой расщеплял в руках, а особо неподатливые орехи клал под зад, надавливал и с хрустом раскраивал. Читая, выедая орех из осколков, я постепенно вошёл в такой нежный транс, в причудливое очарование такое, что неожиданно почувствовал себя другим. Ослепительное прояснение, спровоцированное ясной погодой, открыло толстовский мир, который не даст никакой литературовед. В этом

простецки-изящном, солнечно-затуманенном толстовском мире я поехал на велосипеде за арбузом.

Я ехал по страницам Толстого. Август, торжественно окружавший, навязчивая оса вокруг головы, огрубевшая за лето зелень, дорога, которая ойкала в моем сердце каждой выбоиной, треньканье звонка на ухабах, и шипение шокированной шины, когда я затормозил резко, чтобы не столкнуться с девочкой, выскочившей наперерез из другого земляного переулка… Это всё был Толстой! И висевший на руле белый пакет придумал он. Он сочинил август, наделил сегодняшний день ярким солнцем, но если бы стало сыро и мерзко, как пару дней назад, всё равно было бы здоровски, потому что Толстой пребывал везде.

Девочка мне нравилась. Я её, желтоволосую, видел и раньше, на велосипеде. Высокая, костлявая. Всегда у её колеса бежала собака породы мастиф, путаясь в слюнях. А сейчас девочка выехала мне наперерез без собаки. Мы чуть не столкнулись и спешились. Вряд ли бы мы заговорили когда-нибудь, если б не дорожный эксцесс.

– Ух ты, – сказала она, ступив двумя босоножками на землю, но крепко держась за руль. – Извиняюсь.

Я, небрежно отставив велосипед за левый бок и придерживая его одной рукой, растянул губы нервно:

– А где твоя собака?

– Собака? У бабушки в Москве. А откуда ты её знаешь?

– Видел вас.

– И я тебя видела.

Это были смущённые реплики, которые колебало счастье спасения, – чуть-чуть, и мы бы столкнулись и погребли друг дружку под велосипедами. У Жанны (так она назвалась, мы уже гарцевали на велосипедах, то есть медленно катили) была короткая стрижка, розовые шорты и черная футболка с диснеевским утенком. Светлые глаза. Ей было двенадцать, на год старше меня и выше на полголовы, но одета она была в сладкие тряпочки, уместные для девятилетней.

– Я за арбузом, а ты?

– На станцию. Папу встречать.

– По дороге, – сказал я, улыбаясь снова.

– Чо ты подмигиваешь?

– Погода хорошая.

– Ага. Дожди так долго шли. Нас собака достала, вся грязная. Кусок грязи. Из бочки её поливали, она ещё хуже стала. Мама её в Москву отправила – хоть отмоется нормально.

Классно, что всё высохло, скажи? Скоро моя Тина вернётся, моя лапочка!... Она у нас добренькая, мышку не обидит. Даже не гавкает. Она моё золото! Больше всех её люблю! А чем ты на даче занимаешься?

– Книжку читаю. «Война и мир». Дождь был, я всё отсюда рвался. У радио сидел, переживал. Такие события! Праздник, да? Коммунистов победили. Ты знаешь?

– Ну да, – она поскучнела. – Папа говорит: теперь плохо будет.

– Я даже флаг из простыни сделал. Акварелью покрасил. И на магазине нацепил.

– Так это ты?

– Я!

– Это папа мой сорвал. Говорит, я бы руки поотрывал тому, кто… – она ликовала за отца. – У нас же флаг красный!

– Неа! Бело-сине-красный!

– Правда?

– А я думал, это дождь. А это твой папа? Он что, коммунист?

– Почему коммунист?

– Где работает?

– Много будешь знать – скоро состаришься! В райкоме он работает.

– Значит, коммунист.

Она отвернулась, и крутанула педали, обгоняя меня, и вильнула обиженно. Мы выехали на асфальтовую улицу.

– У вас яблок много? – крикнул я в чёрную спину и жёлтый затылок.

Навстречу пробежала стая собак, пять бездомных, увлечённых призрачной целью, и равнодушных к нам. Одна собака, угольная, бежала, прихрамывая, я оглянулся, и она оглянулась, репей на тревожном ухе. Невидимый Лев Толстой почесал бороду.

– Яблок в этом году много, – заявила Жанна по-взрослому, мы опять поравнялись. – Арбузик хочешь? А я дыню люблю. Она сладкая. В арбузе – одна вода!

– Посторожишь мой велик?

– А на станцию не опоздаю? Пять минут осталось.

– Щас, мигом…

Внутри магазина было безлюдно. Несколько старух. Прилавки под стеклом поблескивали стальными проплешинами пустот. За прилавком громоздились футбольные мячи арбузов и регбийные дынь, но про регби я ещё ничего не знал. Взял плод, важно постучал по теплой кожуре, повертел сухой хвостик. Дома мне выдали денег только на арбуз, иначе джентельменски я бы забрал и дыню – желтой девочке.

В магазин вошел враг.

Его звали Сире. Полудурок, необычно вечно бледный. Лет тринадцати, бескровная ухмылка, прищуренный глаз. Говорят, однажды в грозу он упал на землю и заблеял: «Сире-е-е!», с этих пор и приклеилось к нему прозвище. Он яблоками недавно через забор в меня кидался, подгнившими. Материл сквозь щели забора. По-настоящему мы с ним ещё не сталкивались. Вот с моим приятелем дачным Алёшкой они уже столкнулись. Весной. Сире чистил талый лед, а Алёша мимо шел, и Сире его долбанул лопатой по лицу. Приветливо. Не острием, тыльной стороной.

Заплатив, я быстро пошел к выходу с арбузом у живота.

– Постой, пельмень.

– Я не пельмень.

– Чего ты сказал?

Мы уже стояли на улице, трое.

– Я не пельмень.

– Дай прокатиться, – он безошибочно выбрал мой велосипед, встряхнул со звоном, пока я пытался втиснуть арбуз в пакет.

– Отпусти! Не твое! – сказал я, ненавидя его, себя и девочку-свидетельницу, и этот оскорбительный август, моментально скисший и затошнивший. – Ты что, дурак? – добавил я, дразня, и выронил пакет. – Сире…

– …твою мать, ты как меня назвал? – он отшвырнул велосипед и пнул колесо.

– Прекратите! – закричала Жанна. – Мне на станцию надо.

– Арбуз дай попробую, – ласково пропел он, наступая, тёмный глазок был пытливо узок. – Кусочек отрежу, – он вытащил из кармана черных треников синюю пластмассовую рыбку, тотчас выплюнувшую лезвие. – Кусочек, и отпущу. Дай, ну дай! – он приближался быстрее, чем я отходил. – А ты, правда, карате знаешь? Твоя мать моей хвастала. Покажи прием!

Лезвие ножа спряталось, но это не обрадовало, потому что в ту же секунду белое лицо врага, вялое, собралось, сжалось, губа брезгливо задралась. – Ты чё мне хамил, а?

– Отойди, – я толкнул его в грудь, отрицая толстовство.

– Ты так со мной, пельмень?

– Хватит! – закричала Жанна, но уже как-то возбужденно, кокетливо, будто сей поединок в её честь.

Я отступил на шаг, прикрываясь арбузом, и со всей силы швырнул его под ноги. Гол! Шар взорвался. Плеснул мокрым жаром. Хороший я выбрал, спелый.

Мы все смотрели на арбуз.

– Гад, ты же мне штанину изгадил! – первым очнулся враг, и взмахнул ногой.

Я поставил блок рукой, а левой стукнул ему в скулу. Он навалился, вцепившись в горло, и мы упали. Удалось его перевернуть, вырваться, но он поставил подножку, я грохнулся, он навалился снова, долбанул в ухо. Мы катались, он был крепче. Вернулись, катаясь, к разгромленному арбузу, скользкие полушария лопнули на несколько ломтей под нами, Жанна ворвалась в слепую кашу, беспорядочно царапаясь, потемнело, боль, удар, ещё…

Я взмолился Льву. Николаевичу Льву. Не буквально Льву Николаевичу. Но, погружённый всем этим августом в толстовский мир, я обморочно взмолился об избавлении, и адресатом мольбы не мог быть никто, кроме Толстого.

Врага отдёрнуло.

– Удавлю! – рокотал голос свыше.

Я вскочил.

Сире с искривлённым лицом болтался в объятиях мужика. Враг мой хрустел из чугунного зажима. Мужик качался в сером костюме, однако измятом, заляпанном, как будто сам недавно дрался. Не разжимая объятий, он шатался вместе с моим врагом. Оглушительно пахло выпивкой. Жанна вертелась, вереща задорным голоском примерницы:

– Папочка, он на нас напал! Этот козёл…

Враг полетел в сторону, в траву, мы шли. Замедленно, как подводники. Мы с Жанной вели свои велосипеды. Я запрокидывал голову (нос расквашен) и прихрамывал. Мужик шатался, потный, жилистый, похожий на индейца, бормотал и напевал.

– Видишь, какой он у меня сильный! Настоящий герой! – шепнула девочка, и, заискивая, спросила: – Как там в Москве, папуль? Как Тиночка наша?

Мужик ступал, трудно, важно, в нём гуляло море вина.

– Все, Жанночка, нет больше у твоего папы работы… – он остановился, мы заглянули ему в лицо.

Взгляд его косо и страшно разбежался, сосредоточился в углах глаз. Этим диковинным взглядом он уткнулся в зелень по краям дороги, словно обдумывал сразу две каких-то далёких, трудных, боковых мыслишки, пытаясь слепить из них одну главную.

Выдохнул. Пошёл дальше, наборматывая, петляя мутным взглядом, иногда опираясь на дочку. Коммунист августа 91-го года. Жребий опрощения…

– Пап, ты настоящий герой!

– Простой, как Лев Толстой… – прогудел мужик неожиданно благодарным голосом и хохотнул.

А я в который раз ужаснулся тому, что все слова и мысли на свете связаны.

Дома ругали и жалели. Бодро я объявил, что упал с велосипеда, от этого ушибы, ну а арбуз разбит. Не поверили, что упал, но Сире я не сдал, зубы сжав. Промывшись из ведёрка и поёжившись под мазками материнского йода, забрался на диван. Жрал яблоки смачно и безжалостно, как личных врагов. Когда Платона Каратаева убили – заплакал.

Ночью приснилась дорога возле забора. Пыльная, ночная, чья пыль заметна из-за близости звезд. Снился странный сон, все спали в одном нашем доме, комнаты были бесконечны, и я узнавал многих знакомых в тёмных комнатах по очертаниям: Жанна спала, спал папа её, спал Сире, жалобно всхлипывая, я его за все простил, потому что во сне был спокоен ко всем. А на пыльной дороге метался отряд собак. Упало яблоко в нашем саду, собака отпрыгнула от стаи, яблоко лежало в стрекочущей траве, белое и влажное, звёзды бодрствовали, милосердные, палаческие. Звезды августа.

Лето кончилось. Кончилась «Война и мир». Недоуменно изучил толстовское послесловие. Взялся за Ната Пинкертона, чьи фокусы переиздали на волне того времени. В последний день месяца мы выехали с Жанной на верховую прогулку. Герой помалкивал, загадочный и бдительный, как король сыска. Мой невидимый котелок раскачивался под усталым вечерним солнцем. У Жанны шины недавно наехали на стекло, и сдулись. Но ради этой прогулки она тяжело крутила педали. Она ползла рядом, не отставая. С дырявыми шинами. Метафора влюбленности.

Скоро её отец нашел себя в бизнесе, я бываю на даче, там подрастает мой сын, мы с ней дружим, она родила двойню, выйдя замуж за узбека, мастиф её через два года подох, Сире забрали в армию, он вернулся и стал шофером местного такси.

«Гнездо преступников под небесами», «Стальное жало», «Борьба на висячем мосту». Август кончался малиновой улыбочкой великого Пинкертона, хладнокровными антоновскими яблоками гладковыбритых американских щек. Сейчас, на излёте лета, напитанный детективными ядами, я подозревал злодейский умысел везде, и в том, конечно, что некто натолок стекло у Жанниных ворот, этим убив её шины. Не Сире ли бил бутылки? Мы разъезжали по поселку, воздух свистел, всюду умирало лето.

Мы не целовались. Въезжали в сентябрь на своих велосипедах. В город, в разлуку, в привычную суету, в жизнь, которая вот-вот исчезнет, в будущее, которое не возникнет. Его, это будущее, сложившееся и зрелое, как август, не взяли с собой, забыли за поворотом, и оно ноет там и бродит и никогда не оставляет в покое.

2008

Задание №3 (15 баллов)

Напишите лирическую миниатюру, или стихотворение в прозе, или верлибр (по вашему выбору), представляющие собой описание *прогулки в осеннем лесу*. Вам необходимо использовать в работе:

а) опорные слова: *арбуз, дымчатый, парит, опята, открываться, дрожащий,*

б) синекдоху,

в) парцелляцию

г) оксюморон (эти тропы и стилистические фигуры своей работе подчеркните и надпишите).

Придумайте короткий и ёмкий заголовок для вашего текста. Объём текста не должен превышать 8 строк в стихотворном тексте или 7-8 предложений в прозе.

война и мир." Герой утоляет духовные потребности Натом Пикертоном. Теперь в его мире фигурируют „котелок на голове", „злодейские умыслы". Герои уезжают в осень, оставляя позади своё будущее, прощаются с ним. Но может ли покинуть героя бесследно мир Толстого?

Мы видим будущую жизнь героя в городе, суете, незримом течении дней. Тоской и грустью веет от последних абзацев. Может лишь стоит отыскать в памяти тот мир писателя ~~в~~ обновить его новым прочтением, вновь попрощаться с полюбившимися героями, и жизнь заиграет новыми красками? Ведь неизмеримой силой обладают произведения художественной литературы.

Таким образом, приёмы экфразиса и реминисценции являются порой